

Вопросы философии и психологии

Книга 30

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 30 / – М.: Книга по Требованию,
2023. – 320 с.

ISBN 978-5-458-04680-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04680-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Къ читателямъ.

Московское Психологическое Общество, возникшее съ небольшимъ десять лѣтъ тому назадъ и не имѣвшее до 1888 года никакихъ капиталовъ и средствъ, кромѣ незначительнаго годового пособія отъ Московскаго университета и маленькихъ членскихъ взносовъ, проявило за послѣднія семь лѣтъ, какъ это извѣстно всему русскому образованному обществу, энергическую дѣятельность, выразившуюся не только въ десяткахъ засѣданій и рефератовъ, но и въ изданіи Трудовъ и, въ числѣ ихъ, переводовъ классическихъ философскихъ сочиненій и въ шестилѣтнемъ веденіи журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», заключавшаго въ себѣ исключительно оригинальныя философскія статьи русскихъ писателей. Издано было до сорока книгъ (Трудовъ Общ., изданій и журнала).

Всего напечатано Обществомъ съ 1888 г. болѣе 12,000 страницъ философскихъ сочиненій и статей, т.-е. въ среднемъ по 1,500—2,000 стр. въ годъ. Частныхъ средствъ (пожертвованныхъ гг. Абрикосовымъ и Столыпинымъ) на эти изданія было истрачено до 11,000 р. Всего же Психологическимъ Обществомъ израсходовано на означенныя изданія за семилѣтній промежутокъ времени болѣе 81,000 р., изъ которыхъ 70,000 р. было доставлено русскою публикой, сочувствовавшей дѣятельности Психологическаго Общества и раскупавшей его труды, изданія и философскій журналъ. Если считать общее число подписчиковъ журнала за 6 лѣтъ и покупателей изданій Общества, то число разошедшихся среди русской публики от-

дѣльныхъ выпусковъ книгъ и номеровъ журнала составить цифру болѣе 70,000 экземпляровъ. Такимъ образомъ одни только выпуски философскихъ изданій *Психологическаго Общества* расходились не менѣе чѣмъ въ 10,000 экз. ежегодно, не говоря о чрезвычайно разросшейся за этотъ краткій періодъ,—внѣ издательской дѣятельности Общества, но отчасти подъ его воздѣйствіемъ,—переводной и оригинальной философской литературѣ, имѣвшей не менѣе обширный и постоянный сбытъ.

Всѣ эти цифры и факты указываютъ на широко развивающійся въ русскихъ образованныхъ кругахъ интересъ къ философскимъ вопросамъ и къ философскимъ знаніямъ. Нѣтъ сомнѣній, что въ послѣдствіи услуга, оказанная инициативой Московскаго Психологическаго Общества развитію серіознаго философскаго образованія въ Россіи, будетъ справедливо оценена историками русской культуры.

Къ сожалѣнію, Психологическое Общество, не будучи до сихъ поръ обезпечено въ своихъ начинаніяхъ какими-либо значительными капиталами, кромѣ тѣхъ, которые оно само создавало своими трудами, зависитъ въ своихъ предпріятіяхъ отъ условій, которыя не всегда находятся въ его власти. Случайная и непредвидѣнная крупная потеря *) грозила пріостановить на долгое, можетъ быть, время издательскую дѣятельность Психологическаго Общества и самое существованіе философскаго журнала. Принявъ въ 1893 году журналъ «Вопросы Философіи и Психологіи» (отъ А. А. Абрикосова) въ свою полную собственность и завѣдованіе, Общество могло обезпечивать нѣкоторые убытки, которые терпѣло отъ журнала, вслѣдствіе ежегоднаго превышенія опредѣленной нормы размѣра его книжекъ, — небольшимъ капиталомъ, образовавшимся отъ продажи прочихъ его изданій. Въ настоящее время, вслѣдствіе происшедшаго несчастія, Психологическое Общество уже не имѣло бы на 1896 г. запаснаго капитала, который могъ бы удовлетворять упомянутой потребности.

*) Покража части изданій Общества и постороннихъ книгъ изъ запертого склада журнала въ теченіе лѣта 1895 года.

Нисколько не впадая въ уныніе отъ такого случайнаго сдѣленія событій, Психологическое Общество рѣшилось однако и впредь энергически продолжать свою издательскую дѣятельность и печатаніе журнала, будучи увѣрено въ томъ, что дѣло его полезно и даже необходимо для дальнѣйшаго роста философскаго образованія и самосознанія въ Россіи. Если семь лѣтъ тому назадъ ученое Общество, еще почти неизвѣстное въ Россіи и не обладавшее никакими средствами, могло предпринять и довести до конца рядъ полезныхъ изданій и непрерывно вести въ теченіе шести лѣтъ, почти исключительно на подписныя деньги, большой спеціальный журналъ, то неужели теперь, когда его дѣятельность пріобрѣла широкую извѣстность и въ отечествѣ, и далеко за его предѣлами—среди психологовъ не только Германіи, Франціи, Англіи и Италіи, но и въ Америкѣ, съ которою редакція имѣетъ постоянныя сношенія,—возможно, чтобы не нашло поддержки въ средѣ русскихъ образованныхъ людей?

Эта увѣренность руководила Психологическимъ Обществомъ въ его рѣшимости продолжать начатое дѣло *). «Вопросы Философіи и Психологіи» были началомъ, пробой. Широкая терпимость и принципъ полной *свободы убѣжденій*, поставленные въ основу этого дѣла, принесли добрые плоды. Всѣ, кто не хотѣлъ замыкаться въ узкую философскую секту, имѣлъ доступъ въ журналъ, подъ условіемъ извѣстнаго уровня знаній и философскаго развитія, и потому журналъ сплотилъ въ одну дружную семью почти всѣхъ представителей философской мысли въ Россіи.

Московское Психологическое Общество глубоко убѣждено въ томъ, что интересъ русской образованной публики къ философіи и психологіи не можетъ ослабѣвать, а можетъ только крѣпнуть и расширяться. Не знаменательно ли, наприм., что въ учрежденной въ Москвѣ, при учебномъ отдѣлѣ общества

*) И эта увѣренность оправдалась такъ скоро, что между наборомъ настоящей записки и ея отпечатаніемъ въ издательскій фондъ Психологическаго Общества уже успѣло поступить отъ уважаемой Ю. И. Базановой пожертвованіе въ 1000 р. на нужды журнала въ 1896 году.

распространенія техническихъ знаній, «комиссія домашняго чтенія», издавшей программы домашняго чтенія почти по всѣмъ предметамъ университетскаго курса, подписчиковъ на философское чтеніе и философскія темы оказалось 28%? Не странно ли также, что русскій философскій журналъ относительно числа подписчиковъ соперничаетъ съ единственнымъ философскимъ журналомъ во Франціи—«Revue philosophique», широко распространенномъ во всѣхъ частяхъ свѣта, тогда какъ «Вопросы Философіи» преимущественно расходятся въ Россіи.

Потребность въ критическомъ философскомъ освѣщеніи фактовъ дѣйствительности теперь значительнѣе, чѣмъ когда-либо. Русскіе философы и психологи, по мѣрѣ силъ и умѣнія, и сообразно характеру своихъ интересовъ и научныхъ занятій, должны продолжать свое служеніе общему дѣлу—дѣлу просвѣщенія русскаго народа—и стремиться внести свой вкладъ въ сокровищницу идей и идеаловъ всего человѣчества.

Этический трактат Лоренцо Валлы «Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ».

(Окончаніе).

II.

Для всякаго непредубѣжденнаго читателя діалога Валлы „Объ удовольствіи“ ясно, что двѣ первыя книги этого трактата стоятъ въ противорѣчій съ третьей. Это противорѣчіе хорошо замѣтилъ самъ авторъ и попытался примирить его, заявивши устами послѣдняго изъ ораторовъ діалога, что эпикуреецъ Беккаделли говорилъ только ради спора и въ шутку. Но это заявленіе возбудило справедливое недовѣріе большинства современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей, такъ какъ разсужденія Беккаделли занимаютъ большую часть трактата и составляютъ наиболѣе сильную въ діалектическомъ отношеніи сторону его содержанія. Поэтому въ позднѣйшей литературѣ образовалось три различныхъ взгляда на трактатъ Валлы. Одни изслѣдователи—и такихъ большинство—признаютъ Беккаделли выразителемъ истинныхъ воззрѣній Валлы и считаютъ трактатъ плохо замаскированную проповѣдь эпикуреизма, другіе полагаютъ, что авторъ—благочестивый католикъ и что его мнѣнія высказываетъ Никколи, третьи считаютъ цѣлью трактата примиреніе эпикуреизма съ христіанствомъ. Намъ предстоитъ теперь ознакомиться съ аргументаціей различныхъ толкованій трактата Валлы, и тогда намъ будетъ ясно,

что вопросъ о его смыслѣ и значеніи остается еще въ значительной степени открытымъ.

Первые читатели діалога Валлы отнеслись къ нему очень сдержанно. Авторъ, окончивъ свою работу, по обычаю разослалъ ее своимъ друзьямъ и тогдашнимъ знаменитостямъ, и нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили ему письмами, въ которыхъ излагали свое общее впечатлѣніе отъ его труда. Изъ дошедшихъ до насъ отвѣтныхъ писемъ три касаются содержанія трактата; одно изъ нихъ написано Траверсари, другое Бруни, третье Карло Марсуппини *). Флорентійскій гуманистъ Амброджіо Траверсари былъ благочестивый монахъ, который, при всей любви къ древней литературѣ, не рѣшался переводить на латинскій языкъ языческія произведенія греческихъ классиковъ; но онъ относился съ широкою терпимостью къ мнѣніямъ своихъ друзей гуманистовъ. Точно такъ же отнесся онъ и къ діалогу Валлы. Въ своемъ письмѣ онъ хвалитъ тему трактата, его стиль и отказывается высказаться относительно его содержанія, такъ какъ „читалъ книгу обремененный дѣлами“; но заранѣе признаетъ за авторомъ полную свободу держаться любыхъ воззрѣній и вступать въ борьбу со всякими авторитетами. Бруни точно также хвалитъ стиль автора, но весьма неопредѣленно выражается о его содержаніи. „Относительно высшаго блага,—говоритъ онъ,—я скажу, что Аристотель, разсуждая о человѣческомъ счастіи, говоритъ, что нужно еще разсмотрѣть, слѣдуетъ ли стремиться къ счастію ради удовольствія, или же къ удовольствію ради наслажденія, но оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Далѣе, онъ утверждаетъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, что добродѣтельныя дѣйствія приводятъ къ счастливой жизни, и я раздѣляю его мнѣніе, т.-е. предпочитаю подтверждать своимъ сужденіемъ то, что онъ говоритъ открыто, чѣмъ то, относитель-

*) Они напечатаны у Barozzi e Sabbadini, Studi sul Panormita e sul Valla. Firenze. 1891, p. 64—67.

но чего онъ опредѣленно не высказывается“. Не вполне ясно говорить о діалогѣ и Марсуппини, хотя онъ и прочиталъ его съ величайшимъ восторгомъ три раза. „Предметы, о которыхъ ты разсуждаешь, пишетъ Марсуппини, какъ бы пригвоздились къ моей мысли, и ты такъ убѣдилъ меня, что я желаю всегда стремиться только къ удовольствію“. Но Марсуппини различаетъ два вида удовольствія. „Какъ древность,—говоритъ онъ,—обоготворяла двухъ Венеръ, Уранію и Пандемію, такъ и мы должны различать два вида удовольствія. Уранія представляетъ жизнь цѣломудренную и честную и доставляетъ соотвѣтствующія наслажденія; постыдная и плебейская Пандемія даетъ наслажденія щекочащія (titillantes) и порочныя. Но ты полагаешь истинное и высшее благо въ удовольствіи, проистекающемъ отъ хорошихъ дѣйствій, и я одобряю, хвалю и всѣмъ сердцемъ принимаю твое мнѣніе. Убѣдиться силою твоихъ многочисленныхъ и весьма вѣскихъ аргументовъ болѣе, чѣмъ авторитетомъ Аристиппа и Демокрита, меня побуждаетъ христіанская вѣра, т.-е. самъ Богъ, который въ небесномъ и вѣчномъ благѣ общается только наслажденіемъ и радостью“. Несмотря на неясность отношенія всѣхъ писемъ къ содержанию діалога и при всемъ несходствѣ ихъ собственного содержанія, всѣ ихъ авторы, какъ кажется, приблизительно одинаково понимаютъ основную мысль Валлы и считаютъ его проповѣдникомъ наслажденій. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы благочестивый Траверсари видѣлъ суть діалога въ третьей его книгѣ, гдѣ проповѣдуется отреченіе отъ земныхъ наслажденій ради загробнаго блаженства, онъ съ радостію привѣтствовалъ бы своего единомышленника и не приводилъ бы въ отвѣтномъ письмѣ какъ бы оправдывающихъ Валлу разсужденій о правѣ каждаго имѣть и защищать свои убѣжденія. Съ другой стороны, Бруни считаетъ сущностью діалога вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли стремиться къ наслажденію или къ добродѣтели, и совсѣмъ не упоминаетъ о третьей книгѣ трактата, говоря о его содержаніи. Нѣсколько иначе, повидимому, понимаетъ основную

мысль Валлы Марсуппини. По его мнѣнію, третья книга діалога не требуетъ отреченія отъ наслажденій, а наоборотъ, представляетъ новый аргументъ въ ихъ пользу, такъ какъ самъ Богъ точно также общается на небѣ наслажденія и такимъ образомъ какъ бы даетъ имъ божественную санкцію. Только при этомъ предположеніи и можно примирить заявленія Марсуппини, что онъ, прочитавъ діалогъ Валлы, всегда будетъ стремиться къ удовольствію и что христіанская вѣра особенно убѣдила его въ справедливости аргументаціи Валлы.

Другіе современные читатели, которые имѣли желаніе и возможность откровенно выражать свои мнѣнія относительно діалога Валлы, прямо отождествляли разсужденія Беккаделли съ мнѣніями автора. Такъ, Поджіо открыто обвинялъ за это Валлу *); Филельфо въ письмѣ къ одному юношѣ приписываетъ Валлѣ ученіе, что въ жизни слѣдуетъ искать только удовольствія **); Д. Понтано, ученикъ Беккаделли, въ молодости лично знавшій Валлу, говоритъ, что авторъ діалога „уважалъ одного только Эпикура“ ***).

Такой взглядъ на трактатъ Валлы держался въ теченіе XVI и XVII столѣтій, и на Тридентскомъ соборѣ это сочиненіе было внесено въ индексъ запрещенныхъ книгъ, вслѣдствіе чего оно вырѣзано во многихъ печатныхъ экземплярахъ собранія сочиненій Валлы. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ историки философіи XVIII в., которые, какъ Брукеръ и Деландъ, заинтересованы развитіемъ философской мысли въ эпоху ранняго гуманизма ****); но особенно широкое распро-

*) Vallae Opera, p. 342. Впрочемъ, это обвиненіе находится въ инвективѣ противъ Валлы на-ряду съ несомнѣнно клеветническими вымыслами.

**) Приведено у Mancini. Vita di L. Valla. Firenze. 1891, p. 59.

***) Pontani Opera. Bas. 1556. T. II p. 1572.

****) По словамъ Бруккера, Валла въ этомъ діалогѣ ad Epicuri hortos transiit non sine magna famae suae contumelia (Historia critica philosophiae. Lipsiae. 1743 T. IV, p. 35) По мнѣнію Деланда, Valla, par un excès de prudence, avoit employé sous les ménagemens convenables pour faire passer la doctrine d'Epicure et la rendre homogène au christianisme, но онъ не pouvoit manquer d'étendre la liberté de l'homme sans mesure et sans bornes: il ne donnoit rien à la grace. (Deslandes: Histoire critique de la philosophie. T. IV. Amsterdam 1756, p. 117).

странение получила она послѣ появленія работы Фогта, перваго крупнаго сочиненія по исторіи итальянскаго гуманизма.

Георгъ Фогтъ, книга котораго имѣла огромное вліяніе на исторіографію Возрожденія и до сихъ поръ служитъ для не-специалистовъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о гуманизмѣ, видитъ въ трактатѣ ловкую проповѣдь чувственныхъ наслажденій, хотя и замаскированную благочестивыми разсужденіями. „Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—зерно книги составляетъ прославленіе чувственнаго удовольствія, хотя понятіе voluptas перетолковывается и его побѣда не представляется послѣднимъ словомъ морали“. Но эта маска несколько не мѣшала тому впечатлѣнію, что авторъ проповѣдуетъ необузданную чувственность. Принявши необходимыя предосторожности, авторъ „тѣмъ не менѣе всегда защищаетъ права чувственной природы съ самой соблазнительной ловкостью, и эта ловкость возбуждала читателя, потому что она была нова и смѣла, а христіанскую этику онъ сто разъ слышалъ отъ проповѣдниковъ. Необузданность (Die Lizenz), которая всегда кажется человѣку столь привлекательной, здѣсь представлена въ законченной системѣ, какъ естественное право“. Желательное впечатлѣніе усиливалось еще вслѣдствіе того, что трактатъ содержитъ въ себѣ много выходокъ противъ монаховъ и монашества; болѣе того, „все веденіе спора представляетъ собою непрерывное нападеніе на ихъ узкое пониманіе глубокихъ вопросовъ жизни“. Но приведя всѣ эти соображенія, Фогтъ какъ будто уклоняется отъ категорической оцѣнки трактата Валлы по существу и ограничивается констатированіемъ его дѣйствія на читателя. „Намъ весьма понятно,—говоритъ онъ въ заключеніе,—что Валла этими разсужденіями создалъ такое мнѣніе, что онъ считаетъ наслажденіе высшимъ благомъ, что форма диспута представляетъ собою простую предосторожность, а побѣда христіанской этики имѣетъ только призрачную правоту. Разъ отравляющій взглядъ на жизнь былъ высказанъ, — было почти

безразлично, будетъ ли онъ выдержанъ авторомъ, или нѣтъ“ *).

Фогтъ оставляетъ открытымъ вопросъ, сознательно или нѣтъ является Валла проповѣдникомъ чувственныхъ наслажденій, и служить ли вся третья книга только лицемѣрною маской противъ обвиненій **), или же она представляетъ попытку дать христіанскую санкцію эпикуреизму. Тѣмъ не менѣе его предположеніе о вліяніи трактата на читателя оправдывается почти всей предшествовавшей ему литературой и многими позднѣйшими изслѣдованіями. Историки гуманизма послѣ Фогта давали еще болѣе рѣшительную оцѣнку трактата Валлы. Такъ, Яничекъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ гуманистическую программу, самое обстоятельное выполненіе которой даетъ Валла въ своемъ діалогѣ: „освобожденіе чувственности отъ христіанскаго спіритуализма, реабилитація природы, изслѣдованіе, свободное отъ схоластическаго ярма, исключительное господство красоты“. Для Яничека введеніе въ діалогъ, гдѣ онъ въ каждомъ предложеніи усматриваетъ иронию, и мистическая третья книга—не что иное, какъ маска, которая никого не можетъ обмануть, а разсужденія, вложенныя въ уста Бруни, представляютъ собою не столько доктрины стоиковъ, сколько воззрѣнія средневѣковаго аскетизма. За то всѣ разсужденія Беккаделли Яничекъ считаетъ выраженіемъ истинныхъ воззрѣній Валлы, за исключеніемъ оправданія нарушеній супружеской вѣрности, которое онъ относитъ „къ области реторическихъ фокусовъ“ ***). На такой же точкѣ зрѣнія сто-

*) Georg Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. 2 Aufl. Berlin. 1880. B. I, p. 469—70.

**) Въ первомъ изданіи своей книги Фогтъ говоритъ рѣшительнѣе. Онъ видитъ въ трактатѣ сознательную проповѣдь чувственности и объясняетъ ее отчасти желаніемъ автора показать свою независимость отъ какаго бы то ни было авторитета, отчасти личнымъ раздраженіемъ противъ католицизма за неудавшуюся попытку получить мѣсто при куріи Мартина V (Die Wiederbelebung. Berlin. 1859, p. 224).

***) Janitschek: Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Stuttgart. 1879, p. 11—13.